

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(3): 1301-1312
 DOI: 10.13187/bg.2022.3.1301

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Relations between the University Professorship and the Bureaucracy in Late Imperial Russia (based on the History of the Imperial Tomsk University)

Alexei O. Stepnov ^{a, *}, Sergei A. Nekrylov ^a

^aTomsk State University, Russian Federation

Abstract

The article examines the relations between the professors of the Imperial Tomsk University and the bureaucracy in late Imperial Russia. These relations are interpreted ambiguously. On the one hand, the professorship of Imperial Universities is characterized as a trans-estate professional and corporate group with its own subculture, and on the other – as a corporation in many ways similar to the bureaucratic elite. It is emphasized that the modern bureaucracy of the late Imperial Russia really had qualities that brought it closer to the professorship. This is, first of all, a high level of education and awareness of their cultural mission to transform Russia based on the experience of European development. At the same time, the patronizing rhetoric and personalized control that the trustees and officials of the Ministry of National Education (MNE) used in their relations with the professorship indicate the patrimonial tradition. During the validity period of the University Charter of 1884 these elements have become a means for the restriction the academic autonomy. It is proved that professors mostly preferred non-conflict dealing with this restriction. Evasion of control and fencing of the space of direct self-expression, in particular in lecture halls, from fixation by sources having "evidentiary force", however, led to the fact that the trustee and officials of the MNE lose confidence in the professor to the professors. Under these circumstances the collective image of the professorship built up in the narratives of officials turned out to be loaded with often unverified conspiracy features of a force threatening the "legal order of things" in the Russian Empire.

Keywords: universities, the Russian Empire, professorship, bureaucracy, patrimonial traditions, academic autonomy.

1. Введение

Самодержавная архитектура режима в России императорского периода оказала определенное влияние на рецепцию идеи университета. Подчас это влияние переоценивается, и в крайних своих воплощениях экзотизация университетов в России доходит до характеристики их как института воспроизводства и поддержания сословно-патриархального порядка. Понятен скепсис в отношении такого подхода, не оставляющего места для феномена академической автономии, а сами российские университеты представляющего в корне отличными от европейского прототипа. Однако в свете современной историографии концепция сращивания университетов и бюрократии в Российской империи выглядит не столь однозначно. В последние десятилетия существенному переосмыслению подвергся коллективный портрет российского чиновника позднеимперского периода, когда, по мнению ряда исследователей, шел переход от патримониальной к рациональной бюрократии. И хотя последствия этого процесса интерпретируются и как фатальные в силу столкновения модерна элит и традиции масс, в контексте нашего исследования он обнаруживает размытость границ между профессорско-преподавательским корпусом императорских университетов и чиновничеством, прежде всего по ведомству Министерства народного просвещения (далее также МНП). Вместе с тем

* Corresponding author

E-mail addresses: asaom@yandex.ru (A.O. Stepnov)

устойчивы унаследованные еще от советской историографии представления об антагонистичности этих социально-профессиональных групп. Следует признать, что эти представления достаточно основательны и подтверждаются распространенными практиками самоописания профессоров и прочих членов преподавательского состава дореволюционных российских университетов. Весомыми их делает и история фронды ученых, нередко настроенных оппозиционно по отношению к самодержавию. Однако же весьма убедительны и доводы в пользу причисления университетской корпорации к привилегированному слою российского чиновничества не только по юридическому критерию, но и в контексте ощущения собственной социальной миссии. Связующие элементы современной бюрократической элиты рассматриваемого периода, которые Йорг Баберовски определяет как служебный этос, образование и культурный код (Баберовски, 2008: 82), явно родственны идентичности профессуры. Для выяснения природы такой неопределенности в статье предлагается рассмотреть отношения университетской профессуры и чиновничества в поздней имперской России с точки зрения особенностей их социального взаимодействия. Динамика и контекст конструирования «чужого» в восприятии чиновничеством образа профессора позволят оценить феномен конфронтации сообществ, идентичных по некоторым критериям.

2. Материалы и методы

Исследование подготовлено преимущественно на материалах делопроизводственной документации, хранящейся в Государственном архиве Томской области, Российском государственном историческом архиве, отделе хранения документальных источников Национального музея Республики Татарстан. Часть архивных источников вводится в научный оборот впервые. Задействованы и источники личного происхождения, и материалы периодической печати.

Опорными для исследования, выполненного с использованием сравнительно-исторического, историко-типологического и проблемно-хронологического методов, являются понятия, характеризующие процесс модернизации бюрократии в контексте социального развития: присутственное общество, патримониальное и рациональное чиновничество, персонифицированный контроль.

3. Обсуждения

В классических исследованиях истории императорских университетов в России подчеркивается двойственное положение университетской профессуры в социальной иерархии Российской империи. С одной стороны, чиновническое «бремя» справедливо толкуется как привилегия. По Общему уставу императорских российских университетов 1884 г. по полной выслуге лет профессора достигали от V до III чина по Табели о рангах. По сведениям, сообщаемым А.Е. Ивановым, вплоть до 1917 г., несмотря на демократизацию профессорско-преподавательского корпуса, значительную часть профессоров составляли дворяне по рождению, преимущественно потомки служилого дворянства, что, с точки зрения историка, было результатом «сословной фильтрации» (Иванов, 1991: 226). Величественные интерьеры, в которых проходили торжественные акты и заседания советов университетов, вручения профессорам государственных наград всякий раз напоминали об их принадлежности к учреждениям императорского статуса. Такие атрибуты долгое время усиливали эстетику грубого вмешательства государства в дела университетов. С другой стороны, Г.И. Щетинина систематически подчеркивала обреченность этого вмешательства, «враждебность самодержавия передовой науке» и «любому проблеску независимости», а разделяемую немалым числом профессоров убежденность, по крайней мере до начала XX века, в возможности академической автономии при царском режиме считала «иллюзией» (Щетинина, 1976: 55, 172, 174). В монографии Р.Г. Эймонтовой несовместимость университетской профессуры и бюрократического аппарата была интерпретирована и как социально-психологическая (Эймонтова, 1985: 234). А.Е. Иванов и И.П. Кулакова в более поздних исследованиях характеризуют профессоров и преподавателей высшей школы Российской империи как бессловную профессионально-корпоративную группу со своей субкультурой (Иванов, Кулакова, 2013: 134). При этом Иванов подчеркивает «антибюрократический» характер этой группы. В новейшей историографии социальной истории императорских российских университетов такой подход, в общем, находит свое отражение. Несмотря на то, что Устав 1884 г., по компромиссному видению, был направлен на превращение профессоров и преподавателей в чиновников, в университетской среде конца XIX – начала XX веков сохранялись устремления к «чистой науке», нетерпимость к внешним формам давления и верность, с другой стороны, идеалам автономии. Возникавшие на этом фоне конфликты исследованы И.В. Черказьяновой, М.В. Новиковым и Т.Б. Перфиловой (Черказьянова, 2005; Новиков, Перфилова, 2013). В трудах С.А. Некрылова, Е.А. Ростовцева, М.В. Грибовского отчуждение университетских ученых от чиновничества прослежено и в нарративах самоописания (Некрылов, 2010; Ростовцев, 2017; Грибовский, 2018). Ростовцев при этом подчеркивает, что оппозиционность власти со стороны «ученого сословия» приводило к игнорированию социального заказа и утилитарных целей государства (Ростовцев, 2021: 685-686).

Практики самоописания ученых в зеркале их «антагонистов» – царских чиновников – неоднозначно отражают корпоративный портрет профессуры и прочих членов преподавательского

состава университетов. Такой подход вполне объясним с точки зрения реалий советской историографии. Вместе с тем исследования последних десятилетий предлагают иное видение поздней Российской империи, где осуществлялась трансформация бюрократической элиты от патримониального к рациональному типу. В фундаментальном труде Б.Н. Миронова «Российская империя: от традиции к модерну» подчеркивается, что развитие юстиции и поступление на государственную службу высокообразованных иностранцев и до реформ 1860-х гг. способствовали этой трансформации. К этому добавлялось и то, что государственная служба была одним из немногих пристанищ, где образованный человек мог реализовать свои способности и амбиции. Развитие сети высших учебных заведений, хотя и недостаточно динамичное, давало свои результаты, и, по приводимым Мироновым данным, в 1897 г., к примеру, по ведомству МНП доля чиновников с высшим образованием составляла 54,9 % (Миронов, 2018: 502). Высокий уровень образования бюрократической элиты и, с другой стороны, «огосударствленность научного сообщества» России конца XIX – начала XX вв. позволяют С.В. Куликову делать вывод о конвергенции, взаимопроникновении этих групп, хотя и не тождественности их (Куликов, 2003). Освещавшиеся неоднократно процессы участия ученых в осуществлении государственных проектов, прежде всего через членство в создаваемых различными министерствами комиссиях, в известной мере обосновывают эти выводы. В то же время обращает на себя внимание то, что Куликов фактически смешивает понятия «бюрократия», «интеллигенция» и «научное сообщество». Не в полной мере безупречным и аргументированным выглядит и своеобразное объяснение им частых конфликтов между учеными и чиновниками в рассматриваемый период. Более нюансированный подход к этой проблеме предлагает Труде Маурер (Maurer, 1998: 835-864). И если в личных достижениях, профессиональной этике и идентичности она усматривает базовые отличия университетской профессуры от чиновничества, то это не дает ей повода отождествлять ученых с интеллигенцией. Напротив, гражданская и профессиональная ответственность профессоров, воспитанная десятилетиями ученой деятельности и практической вовлеченности в общественные дела, с точки зрения как Маурер, так и Кэссоу, не позволяли им идентифицировать себя с радикальной интеллигенцией (Маурер, 2015; Kassow, 1989). Однако, как показало исследование Д. Вартенвейлера, это приводило подчас к трагическому противоречию между непотворением самодержавию революционными методами и сохранением интеллектуальной свободы, призванной воспитать сознательного гражданина и тем самым направить развитие страны по эволюционному пути (Wartenweiler, 1999). Заметим, что именно в этом трагическом аспекте профессура, в свою очередь, оказалась близка модернизирующейся бюрократической элите поздней Империи.

Таким образом, имеющиеся интерпретации отношений профессуры и чиновничества в позднеимперской России отмечены двумя тенденциями. Прежде всего, это вполне справедливое стремление историков сохранить четкость очертаний исследуемого объекта – университетской профессуры и тем самым вывести за пределы исследуемого дискурса их родство с той социально-профессиональной группой, которая и в нарративах самоописания представляется как антагонистичная. Во-вторых, это опора на зачастую нерелевантный образ этого антагониста – царского бюрократа, который в нарративных репрезентациях ученых неизбежно подчинялся диктату ненадежного рассказчика. Вместе с тем авторы статьи намерены подчеркнуть обратный эффект – искажение образа университетского профессора в восприятии чиновника. Природа видения «чужого» в близкой в социально-профессиональном плане группе, думается, скрыта в самих коммуникационных реалиях их взаимодействия, к которым и хотелось бы обратиться.

4. Результаты

В соответствии с положениями Общего устава императорских российских университетов 1884 г. заполнение вакантных кафедр и в целом формирование профессорско-преподавательских коллегий преимущественно зависело от решений Министерства народного просвещения. Однако министр нередко руководствовался при этом мнением профессуры, выраженным голосованием на заседаниях совета, и ходатайством попечителя учебного округа. По А.Е. Иванову, последняя практика превалировала, в то время как замещение вакансий «по собственному усмотрению» министра практиковалось в экстремальных ситуациях по типу той, что случилась в Императорском Московском университете после массовой отставки профессоров и преподавателей в феврале 1911 г. (Иванов, 1991: 230). Традиционно считается, что такая процедура ставила членов университетской корпорации в довольно униженную зависимость от бюрократической власти (Щетинина, 1976: 165; Новиков, Перфилова, 2013: 32-33).

Отступление от принципа свободного комплектования профессорско-преподавательского корпуса символизирует Устав 1884 г. и выделяет его на фоне предыдущего, часто считающегося либеральным. Императорский Томский университет (далее также ИТУ), учрежденный указом Александра II в 1878 г. и открытый в 1888 г., в отличие от многих других университетов Российской империи, формировался и развивался исключительно в условиях действия Устава 1884 года. В проекте «Записки о состоянии русских университетов», составленной избранной Советом ИТУ на заседании 23 мая 1901 г. комиссией, Томский университет назван «детищем Устава 1884 г.» (Записка..., 1901: 1).

Отмечавшиеся современниками негативные тенденции (связанные с положениями Устава 1884 г.) «искательства» и «угодничества» ученых перед чиновниками, то, что в прессе называлось «паломничеством в Петербург» (Новиков, Перфилова, 2015: 92-93), уступали протестным аспектам, вызванным и значительным ограничением в суверенных полномочиях советов университетов. Устав, который в России, где университеты, в отличие от европейских стран, в защите от государственного произвола не могли опереться на гражданское общество, призваны были, по замечанию Кэссоу, заменить доверие (Кэссоу, 1992: 323), после 1884 г. стал источником недоверия, достигавшего, как нам предстоит увидеть, параноидального уровня.

Влияние государства на университеты через процедуру замещения вакантных мест ограничивала заметная нехватка кадров. В Томском университете эта проблема будто бы стояла особенно остро. Во многом неблагоприятные условия (провинциальное окружение, суровый климат, отдаленность от центров науки и образования), несмотря даже на некоторые льготы и преференции, долгое время затрудняли поиск претендентов на свободные позиции. Достаточной молодой состав первых профессоров Томского университета, определенная неопытность их в делах ученой коллегии отнюдь не стали предпосылкой для их скорой адаптации к условиям Устава 1884 г. Напротив, ни попечитель, ни министр народного просвещения не обнаруживали в их лице «идеальных» членов сообщества. Повторим здесь ранее сказанное: этот «идеал» был идентичен чиновнику – государственному служащему, от которого, по крайней мере, следовало бы ждать предсказуемости в действиях и открытости в мотивациях. Важны, однако, не столько конфронтационные предпосылки, заложенные Уставом 1884 г. и предысторией и контекстом его принятия, сколько то, что профессор ИТУ и чиновник от просвещения находились в отношениях, в которых конфликт был загружен в матрицу компромисса.

Конфликтным было взаимодействие членов Совета ИТУ и попечителя Западно-Сибирского учебного округа (далее также ЗСУО). Устроитель Томского университета В.М. Флоринский, внесший значительный вклад в дело реализации идеи первого университета в Азиатской России, занимал пост попечителя ЗСУО с 1885 по 1898 г. Первые профессора Томского университета, среди которых были экстраординарные профессора: по кафедре гистологии и эмбриологии – А.С. Догель, по кафедре геологии и минералогии – А.М. Зайцев, по кафедре ботаники – С.И. Коржинский, а также ординарный профессор по кафедре химии (с 1890 г. – неорганической и органической, совместно с медицинской) С.И. Залесский – не пользовались доверием попечителя. Их предосудительные, с точки зрения Флоринского, действия привели к тому, что освобождены от обязанностей членов правления были: в октябре 1889 г. Залесский, а летом 1890 г. – Догель и Коржинский. Е.В. Корш, первый секретарь Правления ИТУ, вспоминал: «На мне, как на секретаре, лежала тяжелая обязанность докладывать попечителю постановления Правления, а Правлению – замечания попечителя и выслушивать взаимные нарекания и обиды, причем обе стороны не скупались на резкие выражения. Часто во время моего доклада попечитель распорядился пригласить к нему того или другого профессора, и тут же, при мне, начинался тяжелый, нередко прямо грубый спор, превращавшийся в непристойное препирательство. ...Такие сцены стали повторяться почти при каждом моем докладе. Взаимное раздражение росло и обещало породить серьезный конфликт между университетом и попечителем» (Корш, 1910: 54-55). Флоринский отмечал, что, «не имея иного выбора, пришлось организовать первый состав Правления из лиц, совершенно неопытных, мало к тому способных и, как оказалось, довольно легкомысленных» (НМРТ. ОХДИ: ед. хр. КППи-117959-226). В то же время репутация самого Флоринского, сконструированная в коллективном восприятии профессуры ИТУ, приняла с тех пор весьма определенные очертания. Так, и.д. экстраординарного профессора по кафедре истории русского права ИТУ И.А. Малиновский по приезду своем в Томск в 1898 г. обнаружил, что город, «в особенности при попечителе Флоринском, был тише воды ниже травы». «Эраст Гаврилович Салищев (ординарный профессор по кафедре оперативной хирургии ИТУ – Авт.), – вспоминал Малиновский, – рассказывал мне много любопытных эпизодов из истории самодержавного управления Флоринского Томским университетом» (Малиновский, 2014: 293).

Сам И.А. Малиновский, наряду, прежде всего, с и.д. ординарного профессора по кафедре политической экономики и статистики М.Н. Соболевым и ординарным профессором по кафедре уголовного права и уголовного судопроизводства Н.Н. Розиным, в силу уже преимущественно их либеральных политических взглядов, имел нарекания со стороны МНП и Л.И. Лаврентьева, попечителя Западно-Сибирского учебного округа с 1899 по 1914 г. Недоверие вызывали с 1906 г. и приват-доцент, а впоследствии ординарный профессор по кафедре полицейского права ИТУ Н.Я. Новомбергский, а также экстраординарный профессор по кафедре политической экономии и по кафедре государственного права М.А. Рейснер.

Взаимное недоверие попечителя ЗСУО и профессоров ИТУ порой выливалось в конфликт. Было бы, однако, заблуждением полагать, что конфликтность эта являлась столь бескомпромиссной, чтобы ее можно было назвать открытой борьбой за академическую автономию. Напротив, случай, описанный Коршем, носил скорее характер эпизодический, в то время как практики нормативного взаимодействия профессоров и попечителя имели несколько иные траектории. Так, обращает на себя внимание решение Правления ИТУ, вынесенное на заседании 13 января 1890 г. В тот день поступило

ходатайство университетского библиотекаря С.К. Кузнецова о приеме на работу в библиотеку второго служителя, а вместе с тем о повышении жалования первого служителя Д. Попова. Большинство голосов С.И. Коржинского, А.С. Догеля и ординарного профессора по кафедре нормальной анатомии Н.М. Малиева С.К. Кузнецову в ходатайстве было отказано (ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 30. Л. 40б.-5). В журнале Правления не нашло отражения содержание «дебатов» по этому вопросу, что обратило внимание В.М. Флоринского, которому, согласно 45 ст. Университетского устава, этот документ представлялся для утверждения. Следует отметить, что попечитель следил за делопроизводством весьма основательно, всякий раз требуя исправлений и объяснений там, где считал это необходимым. И в этот раз Флоринский потребовал «в возможно непродолжительном времени» изложить мотивы, «побудившие сих членов Правления отклонить упомянутое ходатайство», которое нашел «вполне основательным» (ГАТО. Ф. 126. Оп. 1. Д. 480. Л. 900б.).

В своем заявлении на имя попечителя от 19 марта 1890 г. Догель, Малиев и Коржинский апеллировали к тому, что довольствие служителя библиотеки не может быть равным жалованью служителей естественно-исторических кабинетов и упомянутого Кузнецовым ботанического сада ИТУ в силу большей нагрузки у последних и необходимости «некоторых специальных знаний». Данное заявление, безупречный дипломатический стиль которого не вызывает подозрений в антипатии его авторов по отношению к попечителю, содержит отсылку к более ранним ходатайствам профессоров относительно жалования служащих кабинетов: «Самая мысль об увеличении содержания, как известно членам Правления, решительно была отклонена Вашим превосходительством по крайне бережному отношению к университетским средствам, расходуемым лишь на неизбежные потребности». И далее: «Мы не находим в данном случае никакого достаточного основания отступить от этой руководящей идеи, делать исключение и выделять служителей библиотеки из ряда других, не менее его заслуживающих поощрения» (ГАТО. Ф. 126. Оп. 1. Д. 480. Л. 97-970б.). Значение этих слов не может быть раскрыто вполне без контекста. Дело в том, что вопрос о распределении финансирования в ИТУ был камнем преткновения. Покупка книг и оборудования для учебно-вспомогательных учреждений, оплата по счетам за товары для них, наконец, решения Правления о развитии материально-технической базы университета нередко вызвали жесткую реакцию попечителя. Ограниченность в средствах бюджета ИТУ заставляла Флоринского указывать профессорам на «недопустимость излишеств». Предметом разногласий был и пожертвованный предпринимателем А.М. Сибиряковым капитал в 100 тыс. руб. на устройство и содержание «Сибирского университета с четырьмя факультетами». Поскольку ИТУ был открыт в составе одного медицинского факультета, то и расходование, как полагал Флоринский, следовало разделить паритетно, с учетом открытия в будущем трех недостающих факультетов. Однако члены Правления подчас пренебрегали волей жертвователя. По воспоминаниям Корша, одно из «тяжелых препирательств» между В.М. Флоринским и А.М. Зайцевым было вызвано именно инициативой Правления воспользоваться предназначенной для дальнейшего устройства физико-математического факультета (открыт в составе ИТУ в 1917 г.) частью Сибиряковского капитала (Корш, 1910: 54-55). Подчеркнутое указание в заявлении Догеля, Малиева и Коржинского на верность «руководящей идее» «бережного отношения к университетским средствам» обнаруживает альтернативную открытому столкновению скрытую конфронтацию. Апроприация риторики В.М. Флоринского позволяла профессуре имитировать ожидаемую от нее покорность, сохраняя автономное состояние в скрытом виде и лишая тем самым попечителя возможности реализовать силу своей «самодержавной» воли.

Разумеется, Флоринский считывал подтекст заявлений и действий профессоров. Он назвал «неблагоразумным» отказ Коржинского и Догеля «без объяснения причин» от посещения заседаний Правления, на которых рассматривалось поведение студентов. Этому отсутствию предшествовало несколько решений Правления. 21 декабря 1889 г. после заявления инспектора ИТУ А.С. Еленева о неподобающем поведении, в основном о пьянстве, нескольких студентов Правление большинством голосов Догеля, Малиева и Коржинского сочло этот вопрос «выходящим за пределы его компетенции», а определение меры взыскания предоставило ректору, ординарному профессору по кафедре физиологии В.Н. Великому (ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 21. Л. 2090б.). Ознакомившись с журналом Правления, В.М. Флоринский в своем послании профессорам указал, что «взгляд, требующий полного индифферентизма Правления к проявлениям среди студентов упадка нравственности, не согласен ни с духом действующего Университетского устава, ни с дальнейшим правильным развитием студенческой жизни». Попечитель «просил» профессоров принять это разъяснение на «будущее время к надлежащему руководству» (ГАТО. Ф. 126. Оп. 1. Д. 480. Л. 39-390б.). Однако уже 3 февраля 1890 г., на заседании Правления был рассмотрен проступок студента М. Святского, в пьяном виде ударившего в общежитии служителя инспекции (педея), и в прениях профессора Догель и Малиев встали на защиту Святского. Догель, в частности, высказал сожаление в связи с тем, что «на должности служителей инспекции избираются лица не интеллигентные». Ректор Великий и инспектор Еленев тогда высказались за «временное увольнение» Святского из числа студентов ИТУ, что и было принято окончательным решением. Профессор С.И. Коржинский на том заседании отсутствовал (ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 30. Л. 30-320б.). И в связи с данным решением

Флоринский «поставил на вид» отдельным членам Правления несоответствие их позиции «нравственно-воспитательным задачам» университета и ужесточил решение профессорской коллегии, «исключив из университета» Святского, согласно п. Ж § 31 «Правил для студентов университета» (ГАТО. Ф. 126. Оп. 1. Д. 480. Л. 48). Подчеркнем, что в данном параграфе указывается, что «проступки студентов по нарушению ими вышеозначенных правил разбираются инспектором, ректором или правлением» (Правила для студентов: 15). Таковы были условия, в которых отдельные профессора стали воздерживаться от посещения заседаний Правления ИТУ, когда на них разбирались дела о дисциплинарных проступках студентов. В одном из служебных писем Флоринский заподозрил, что они «умышленно уклонялись от заседаний, зная, по какому случаю эти заседания были назначены» (ГАТО. Ф. 126. Оп. 1. Д. 480. Л. 94).

28 октября 1902 г. товарищ министра народного просвещения С.М. Лукьянов обратился к ректору ИТУ и управляющему ЗСУО А.И. Судакову с просьбой «произвести безотлагательное расследование» о соответствии одной газетной заметки содержанию лекции профессора Рейснера (ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1673. Л. 15). Речь шла о публикации «Первая лекция профессора М.А. Рейснера» на страницах газеты «Сибирская жизнь» (1902, 10 окт.). Незадолго до этой публикации, 7 октября того же года, в переполненной аудитории главного корпуса ИТУ Рейснер по недавнем своем возвращении из заграничной командировки прочел вступительную лекцию (Профессора..., 1996: 205). Довольно скандализующее содержание газетной публикации (сравнение политического строя России и Европы с заметными элементами критики самодержавия), в которой предположительно излагалась эта лекция, и привлекло внимание Лукьянова. Впрочем, в письме от 22 ноября 1902 г. на имя А.И. Судакова М.А. Рейснер заявил: «Означенной репортерской заметки я отнюдь текстом моей лекции признать не могу». И далее: «Не могу вместе с тем не выразить моего крайнего удивления, что научные лекции в университете, будучи предметом моей должностной деятельности, становятся предметом репортерских отчетов в местной прессе, которые в свою очередь по общему правилу являются полным искажением истины» (ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1673. Л. 22). «Сообщения из самых достоверных источников», однако, заставили А.И. Судакова усомниться в словах Рейснера, а его ответ воспринять как «несомненно уклончивый» (ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1673. Л. 32-320б.). Для подтверждения своих подозрений Судакову требовалась рукопись публикации, которую редакция «Сибирской жизни» «по литературным обычаям» изначально предоставить отказалась. Однако издатель газеты известный меценат П.И. Макушин изменил свои намерения, когда 11 января 1903 г. во время личной встречи с Судаковым узнал об упомянутом письме Рейснера. Судаков получил рукопись. «Я был поистине изумлен увиденным, – делился он своими впечатлениями в служебном письме Лукьянову, – рукописный отчет, слитенный мною с напечатанным в № 220 газеты, оказался дословно написанным самим профессором Рейснером, причем все поправки в отчете сделаны были также его рукою» (ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1673. Л. 410б.). По сообщению Судакова, и ранее Рейснер «категорически отказался» от «не соответствующих достоинству нашего правительства выражений», якобы употребленных им 26 февраля 1901 г. в посвященной памяти Т. Шевченко речи (ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1673. Л. 33).

Нередко считается, что Устав 1884 г. ограничивал свободу преподавания в университетах. И хотя это имеет под собой основание, следует обратить внимание на то, что лекционное пространство, в сущности, оставалось неподконтрольным администрации. По воспоминаниям И.А. Малиновского, даже вступительную свою лекцию в ИТУ он читал при почти полном отсутствии коллег (Малиновский, 2014: 288). Достоверно узнать о содержании лекции, ставшей предметом скандала и общественного резонанса, зачастую не представлялось возможным. Конспект лекции, в частности упомянутой вступительной лекции Рейснера, который предоставил его по запросу Судакова, едва ли всегда мог гарантированно отражать сказанное в университетской аудитории. Не в полной мере надежным источником были и служащие инспекции студентов. Так, инспектор студентов ИТУ В.П. Григоровский не смог вполне доложить Судакову о содержании лекции Рейснера, состоявшейся 19 ноября 1902 г. и посвященной предположительно памяти покойного и.д. экстраординарного профессора по кафедре финансового права ИТУ П.С. Климентова: об «истинном» содержании лекции Судаков также узнал из газетной заметки (Сибирская жизнь: 1902, 19 нояб.), а не из предусмотренного программой курса государственного права предмета (ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1673. Л. 24). И.д. ординарного профессора по кафедре гражданского права и гражданского судопроизводства И.А. Базанов, занимавший тогда должность декана юридического факультета ИТУ, в письме А.И. Судакову подчеркнул, что «содержание лекций профессора Рейснера не известно факультету», а «репортерские отчеты о лекциях не могут иметь никакой документальной силы». Кроме того, Базанов отметил в том письме: «Лекции, выходящие из предметов текущего курса, в частности посвященные памяти скончавшегося товарища или имеющие общий характер вступления в курс, допустимы и ходу преподавания не препятствуют» (ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1673. Л. 30).

Следует заметить, что должность ректора или декана как промежуточная между профессурой и чиновничеством в исследуемых играх уклонения накладывала бремя непростого выбора. И если Базанов выразил солидарность с принципом неприкосновенности лекционного пространства, то иную позицию избрал его предшественник в должности декана юридического факультета,

экстраординарный профессор по кафедре римского права И.Г. Табашников. 21 сентября 1901 г. в ответ на запрос А.И. Судакова он сообщил о том, как годом ранее стал свидетелем экзамена по энциклопедии права. Принимал его тот же М.А. Рейснер. По словам Табашникова, «ни один из экзаменовавшихся студентов не обнаружил вполне ясного и точного представления о главнейших институтах права, входящих в состав всех юридических дисциплин» (ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1564. Л. 44-45). Профессор апеллировал к явному несоответствию программы курса действительному содержанию лекций Рейснера, хотя и не взял на себя ответственности судить об этом действительном содержании. Ролевая модель, которую в данном случае избрал Табашников, не соответствовала доминировавшим среди профессоров тактикам уклонения в отношениях с чиновничеством. Альтернативную модель избрал Базанов, когда, вопреки заявлению Табашникова, заявил Судакову позднее, что «факультет имеет честь удостоверить, что результаты экзаменов всегда признавались факультетом удовлетворительными» (ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1673. Л. 30). Все, что происходило в лекционной аудитории, оставалось в лекционной аудитории.

Не добавляли определенности в картину лекционного пространства и записи студентов. В феврале 1910 г. во время обыска у студента ИТУ Яницкого «в числе различной переписки революционного характера» была обнаружена рукопись, содержание которой признавалось политически крамольным. Яницкий заявил, что рукопись является записью лекции, прочитанной в ИТУ профессором И.А. Малиновским в декабре 1909 г. Министр просвещения А.Н. Шварц охарактеризовал содержание рукописи как «совершенно недопустимое для профессора Императорского университета» и попросил попечителя ЗСУО Л.И. Лаврентьева проверить достоверность показаний студента. В своем довольно основательном ответе на это обвинение Малиновский указал на незнание автором рукописи фундаментальных основ истории и теории права, допущенные им понятийные и фактические ошибки, просторечные, «вульгарные выражения», небрежность в формулировках. Все это справедливо признавалось неммыслимым для лекции университетского профессора. Не отрицая некоторые совпадения между текстом рукописи и тематикой его лекций, профессор все же отметил искажения даже в этих фрагментах со ссылкой на программу и конспект собственных лекций по истории русского права. Малиновский отмечал: «Можно предполагать, что сделанные автором рукописи заметки являются отголоском того, что он вычитал в книгах или слышал на лекциях, но несомненно, что это отголосок слабый, отдаленный и фальшивый» (ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2604в. Л. 320б.).

Представленный в рукописи текст «ожидаемо» приписывался Л.И. Лаврентьевым Малиновскому. В служебном письме товарищу министра просвещения Г.К. Ульянову Лаврентьев заметил: «Будучи очень близко знаком с деятельностью Малиновского, я нисколько не сомневался, что означенная рукопись, если и не представляет собой буквальной передачи лекции Малиновского, то, во всяком случае, мысли, в ней изложенные, бесспорно, во всех отношениях вполне отвечают воззрениям Малиновского» (ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2604в. Л. 25-250б.). Однако юрист И.А. Малиновский не мог не понимать, что, в отличие от рукописи Яницкого, его объяснение имеет «документальную силу», что не оставляло попечителю формального повода для обвинения.

Любое свидетельство о содержании лекций, изложенное и в конспектах студентов, могло быть оспорено. В отличие от дела Рейснера, найти документальное доказательство цитирования слов Малиновского в рукописи Яницкого не удалось. Однако даже добросовестная запись лекции не всегда отражала ее содержание. В свое время Р.Г. Эймонтова обратила внимание на эффект нерелевантности «восприятия слушателей лекции» «мыслям и настроениям лектора» (Эймонтова, 1985: 229). Этот эффект отчасти мог сработать и в случае со студентом Чадовым, который был обвинен в искажении упомянутой уже лекции Рейснера о П.С. Климентове. Так или иначе, Лаврентьев оказался готов поверить в версию Яницкого, а Судаков – в версию Чадова. Как и Флоринский ранее, они прониклись подозрением к профессорам, ожидая от них уклончивых действий. Эти ожидания проявились и в 1910 г., когда А.Н. Шварц предложил И.А. Малиновскому и М.Н. Соболеву либо отказаться от редактирования оппозиционной газеты «Сибирская жизнь» (профессора состояли редакторами этой газеты сначала в 1905–1906, а затем в 1907–1910 гг.), либо оставить службу в ИТУ. И.А. Малиновский 15 июня 1910 г. сообщил И.А. Базанову, что «никакого участия» в редактировании газеты он уже не принимает. В августе того же года и М.Н. Соболев проинформировал руководство ИТУ, что еще в начале года «по личным соображениям» сложил с себя обязанности редактора (ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2604в. Л. 43). Однако же ввиду «таких уклончивых, двусмысленных, а отчасти и совершенно несообразных ответов» Лаврентьев обратился в управление Томской губернией, дабы убедиться в чистоте намерений Малиновского и Соболева. Из полученной справки Лаврентьев узнал, что утверждение Малиновского «есть наглая ложь». В дальнейшем редактором «Сибирской жизни» стал «тюменский мещанин» Г. Баитов, а издательство ее перешло к Сибирскому товариществу печатного дела. Однако, поскольку учредителями этого товарищества были Малиновский и Соболев, Лаврентьев и впредь сохранил убеждение, что новый редактор исполняет свои обязанности фиктивно, а фактическое редактирование по-прежнему осуществляют два профессора ИТУ. «Довольно прозрачный эзопов язык», который обнаруживал Лаврентьев в материалах «Сибирской жизни», подогревал его подозрения (ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2604в. Л. 92).

Надежным свидетелем, который был бы в состоянии заблокировать очередную попытку уклонения, не мог стать даже министр народного просвещения. Это подтвердила история перешедшего в судебную тяжбу конфликта Н.Я. Новомбергского с и.д. ординарного профессора по кафедре государственного права ИТУ П.М. Богаевским. В это противостояние, получившее общественный резонанс, пришлось вмешаться Л.А. Кассо, который 20 декабря 1911 г. принял в Санкт-Петербурге двух этих профессоров, а в письме Лаврентьеву от 22 декабря сообщил об их «полном примирении» (ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2707. Л. 109). 3 января 1912 г. об этом было напечатано в «Сибирской жизни». Однако 10 января Н.Я. Новомбергский, который в самом деле присутствовал вместе с Богаевским в кабинете министра, публично опроверг данные о «примирении» (Сибирская жизнь: 1912, 10 янв.).

Тактика уклонения от прямого конфликта с чиновничеством, и прежде всего с попечителем, имела двойственную природу. С одной стороны, свою роль в ней играли карьерные соображения. Вместе с тем отказ от жесткого противопоставления себя чиновничеству со стороны профессуры обнаруживало и общие основания двух этих социально-профессиональных групп, прежде всего в аспектах образования, культурной миссии в развитии страны, а нередко и ученой деятельности. Как известно, к ученому сословию принадлежали упомянутые в нашей работе А.Н. Шварц и Л.А. Кассо. Свою преподавательскую деятельность доктор медицины В.М. Флоринский начинал в Медико-хирургической академии, а в дальнейшем продолжил в Императорском Казанском университете. В 1861–1863 гг. он пребывал в научной командировке в странах Европы. И хотя Флоринский испытал некоторое влияние славянофилов и в целом придерживался консервативных взглядов, он не отделял исторический путь России от Западной Европы. По замечанию Н. Кременцова, он с энтузиазмом принял Великие реформы в России и нередко критически относился к тем государственным инициативам, которые сдерживали развитие страны и пренебрегали западным опытом (Krementsov, 2018: 64, 68–69). Консервативность в политических воззрениях была свойственна и Л.И. Лаврентьеву. Он, как и Флоринский, имел длительный опыт «совершенствования в науках» в Европе, и, хотя так и не защитил магистерскую диссертацию, еще студентом Московского университета слыл «большим знатоком римского права» (Черказьянова, 2005: 177). Со всем тем во взаимоотношениях с профессурой они делали ставку на персональный контроль и личное доверие к каждому конкретному профессору и даже студенту, а не к профессорской и студенческой корпорации как институтам. О масштабах этого контроля можно судить по тому, что студенты одно время получали разрешение на женитьбу через ходатайство попечителя лично от министра народного просвещения. В этом аспекте видны пределы развития рациональной бюрократии в поздней Российской империи, где, несмотря на модернизацию института чиновничества, ярким проявлением которой является, прежде всего, опыт межкультурного обмена и образовательный бэкграунд Флоринского, Лаврентьева, Шварца и Кассо, сохранялись элементы ментальности т.н. присутственного общества. Устойчивость патримониальной традиции, с точки зрения Р. Пайпса, высказанной им в монографии «Россия при старом режиме», распространялась даже на советскую эпоху. Как подчеркивал Й. Баберовски, эта ментальность подразумевает недоверие членов общества друг к другу, стремление к тотальному персонифицированному контролю (Баберовски, 2008: 73). Покровительственная риторика Флоринского и пессимистические ожидания от действий профессоров со стороны Лаврентьева только усиливались вплоть до агрессивного неприятия, когда просвещенные чиновники встречали уклонение профессоров от опеки и нелинейную (неконфликтную) защиту автономного пространства университетской жизни. Обманутые в своем доверии к профессорам, чиновники придерживались худших ожиданий в их отношении.

Хроническое недоверие усиливали особенности той коммуникационной среды, в которой обитали профессоры и чиновники. Хорошо известно о неусыпном контроле Министерства внутренних дел, который велся за профессорами. Сведениями об их общественно-политической деятельности снабжались администрации университетов, и нередко по их получению решения принимались незамедлительно (Иванов, 1991: 240). Особым вниманием, разумеется, пользовались профессора либеральных взглядов, члены партии «Народной свободы» и деятели Академического союза, среди которых были профессоры ИТУ И.А. Малиновский, М.Н. Соболев, Н.Н. Розин, В.В. Сапожников, П.М. Богаевский, С.Г. Сабинин. Однако неприкосновенность частной жизни и осторожность ученых, которые, как мы убедились, сохраняли бдительность как внутри университета, так и в поле общественной деятельности, устанавливали известные ограничения для этого контроля. В конфиденциальном послании от 24 мая 1901 г. Д.С. Сипягин сообщал министру просвещения П.С. Ванновскому, что Министерство внутренних дел не всегда обладает достаточными данными для формального расследования в отношении тех или иных лиц, в частности и ученых, а «в других случаях и самая проверка их не всегда возможна и удобна». Сипягин при этом подчеркнул, что доводимые до ведомств данные, часто предназначенные только для «более усиленного наблюдения», «нередко вызывают со стороны подлежащих министерств и ведомств принятие немедленно решительных мер к удалению таких лиц от службы», «что не всегда соответствует строгой справедливости» (ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1564. Л. 22–220б.).

Действительно, дефицит данных зачастую компенсировался обманутым доверием чиновников от просвещения по отношению к профессорам, чей образ «чужого» находил законченное воплощение в конспирологических нарративах. В.М. Флоринский довольно скоро убедился в том, что толерантное отношение к дисциплинарным проступкам студентов со стороны ряда профессоров является неслучайным. Судя по его записям, мало сомневался Флоринский в том, что профессора Залесский, Догель и Коржинский состоят в близких отношениях с местной ссыльнополитической средой и либеральной прессой Томска, которая подчас критично освещала деятельность попечителя. Разговоры со студентами привели его к выводу о том, что «избиение педеля» Святским «было не случайностью, а преднамеренным фактом развращения студентов» со стороны тех же профессоров (НМРТ. ОХДИ: ед. хр. КППи-117959-226). И.Г. Табашников, повторим ранее сказанное, затруднился судить о действительном содержании лекций М.А. Рейснера, на которых ему «не представилось ни одного случая присутствовать» (ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1564. Л. 44). Однако для А.И. Судакова это обстоятельство не помешало сделать вывод о том, что «деятельность профессора Рейснера» побуждала студентов «относиться с неуважением и враждой к установленному в России законному порядку вещей» (ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1673. Л. 93об.). Л.И. Лаврентьев в июне 1909 г. докладывал товарищу министра народного просвещения Л.А. Георгиевскому о том, что профессора Малиновский, Соболев и Розин еще до революции 1905–1907 гг. вели «везде, где только можно», «противоправительственную агитацию», хотя при этом подчеркивал, что, «разумеется», они «никогда и нигде явных следов своей преступной деятельности не оставляли» (РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 108. Л. 6-6об.). Непросто оценить и выводы Лаврентьева о продолжающейся деятельности Малиновского и Соболева в качестве редакторов «Сибирской жизни», ведь охранке так и не удалось внедрить в редакцию и типографию этой газеты ни одного агента (Зиновьев, Харусь, 2013: 40). Группу профессоров И.А. Малиновского, М.Н. Соболева и С.П. Мокринского Лаврентьев называл «революционным триумvirатом», В.В. Сапожникова – «кадетствующим ректором», при этом присовокупив, что сочувствуют и примыкают к ним профессора ИТУ Н.Н. Розин, П.И. Тихов, С.В. Лобанов, С.М. Тимашев, А.Е. Смирнов, В.А. Уляницкий, И.В. Михайловский, Г.М. Иосифов, Н.Я. Новомбергский. В 1909 г. Л.И. Лаврентьев был убежден в том, что «группа академистов», не оставляя, впрочем, при этом «никаких документальных данных», не прекращала своей деятельности в Томске с 1905 г. «Но, разумеется, – подчеркивал Лаврентьев, – никто из участвующих в ней лиц расписки не даст, что он к ней принадлежит, а, пожалуй, даже станет уверять, что ему ровно ничего не известно о существовании таковой...» (РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 108. Л. 8об.). Ректор ИТУ П.П. Орлов, однако, отрицал существование в университете Академического союза или другой организации, «“преступной” и “революционной”», так же, как и наличие в его архивах «компрометирующих протоколов».

5. Заключение

В поздней имперской России границы между университетской профессурой и чиновничеством были довольно размытыми. Все же редко принято объединять эти группы. Однако во второй половине XIX – начале XX вв. осуществлялась модернизация российской бюрократии, и высокий уровень образования, опыт межкультурного взаимодействия, уважение перед культурой Европы и в то же время осознание социальной миссии по преобразованию России, безусловно, сближал ее с университетской средой. В то же время деятельность попечителей и чиновников МНП, которая осуществлялась в период действия Университетского устава 1884 г., обнаруживает пределы в преодолении патримониальных традиций. В случае с их взаимодействием с профессорами Императорского Томского университета, который называли «детисцем Устава 1884 г.», эти пределы манифестированы покровительственной риторикой и обманутыми ожиданиями относительно оказанного профессуре персонального доверия. При значительной ограниченности суверенных полномочий ученых коллегий профессора ИТУ сохраняли традиции автономии, как правило, нелинейными методами, избегая прямых конфликтов. Апроприация профессорами риторики попечителя, отказ их от посещения некоторых заседаний Правления, ограждение пространства прямого самовыражения от фиксации источниками, имеющими «доказательную силу», сеяли подозрения у попечителя и чиновников МНП. Утрата доверия создавала предпосылки для конструирования образа профессора как «чужого», который в коммуникационных реалиях тех лет не мог найти доказательного и верифицированного подтверждения в действительности. Нагруженная в восприятии чиновников конспирологическим недоверием профессура зачастую нерелексивно представлялась ими угрожающей «законному порядку вещей» в Российской империи. В то время как значительная часть профессоров поздней имперской эпохи, как и просвещенная бюрократия, в целом оставалась верна принципам мирного и эволюционного обновления, их «воображаемый» образ стал революционным. Так, профессоров сделали радикальными, и это отделило их от во многом гомогенной социально-профессиональной группы.

6. Благодарности

Исследование выполнено при поддержке Программы развития Томского государственного университета (Приоритет-2030).

Литература

- Баберовски, 2008** – Баберовски Й. Доверие через присутствие. Домодерные практики власти в поздней Российской империи // *Ab Imperio*. 2008. № 3. С. 71-95.
- ГАТО** – Государственный архив Томской области.
- Грибовский, 2018** – Грибовский М.В. Профессорско-преподавательский корпус императорских университетов как социально-профессиональная группа российского общества. 1884 г. – февраль 1917 г.: дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2018. 804 с.
- Записка..., 1901** – Проект Записки о состоянии русских университетов, составленной комиссией, избранной Советом Императорского Томского университета в заседании 23 мая 1901 г. // Мнения членов Совета Императорского Томского университета относительно предложенных г. министром народного просвещения изменений в действующий Университетский устав 1884 г. Томск, 1901. С. 1-91.
- Зиновьев, Харусь, 2013** – Зиновьев В.П., Харусь О.А. Общественно-политическая жизнь в Томской губернии в 1880 – феврале 1917 г. Хроника. Томск, 2013. 398 с.
- Иванов, 1991** – Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX века. М., 1991. 392 с.
- Иванов, Кулакова, 2013** – Иванов А.Е., Кулакова И.П. Ипостаси русского профессора: социальные высказывания рубежа XIX–XX вв. // Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов: Коллект. моногр. / Под ред. Е.А. Вишленковой, И.М. Савельевой. М., 2013. С. 114-134.
- Корш, 1910** – Корш Е.В. Восемь лет в Сибири. XVI–XXXIII. (Окончание) // *Исторический вестник. Историко-литературный журнал*. 1910, июль. С. 27-57.
- Куликов, 2003** – Куликов С.В. Царская бюрократия и научное сообщество в начале XX века: закономерности и типы отношений / *Власть и наука, ученые и власть: 1880-е – начало 1920-х годов: Материалы Международного научного colloquium*. СПб., 2003. С. 54-72.
- Кэссоу, 1992** – Кэссоу С. Университетский устав 1863 г.: новая точка зрения // Великие реформы в России. 1856–1874: Сб. / Под ред. Л.Г. Захаровой, Б. Эклофа, Дж. Бушнелла. М., 1992. С. 317-334.
- Малиновский, 2014** – Малиновский И.А. Маруся и дети // Императорский Томский университет в воспоминаниях современников / Сост. С.Ф. Фоминых (отв. редактор), С.А. Некрылов, М.В. Грибовский и др. Томск, 2014. С. 286-340.
- Маурер, 2015** – Маурер Т. «Барометры» или «маяки» общества? Избранные статьи по социальной истории русских и немецких университетов. М., 2015. 527 с.
- Мионов, 2018** – Мионов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну: В 3 т. Т. 2. СПб., 2018. 912 с.
- Некрылов, 2010** – Некрылов С.А. Томский университет – первый научный центр в азиатской части России (середина 1870-х гг. – 1919 г.). Т. 1. Томск, 2010. 514 с.
- НМРТ. ОХДИ** – Национальный музей республики Татарстан. Отдел хранения документальных источников.
- Новиков, Перфилова, 2013** – Новиков М.В., Перфилова Т.Б. Университетский устав 1863 г.: пределы академического самоуправления (Часть I) // *Ярославский педагогический вестник (Гуманитарные науки)*. 2013. Т. 1. № 4. С. 18-31.
- Новиков, Перфилова, 2015** – Новиков М.В., Перфилова Т.Б. Университетский устав 1863 г.: пределы академического самоуправления (Часть II) // *Ярославский педагогический вестник (Культурология)*. 2015. Т. 1. № 1. С. 89-101.
- Правила для студентов** – Правила для студентов университета. Томск, б.г. 54 с.
- Профессора..., 1996** – Профессора Томского университета. Биографический словарь. Вып. I. 1888–1917 / Отв. ред. С.Ф. Фоминых. Томск, 1996. 288 с.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Ростовцев, 2017** – Ростовцев Е.А. Столичный университет Российской империи: ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 2017. 903 с.
- Ростовцев, 2021** – Ростовцев Е.А. Санкт-Петербургский университет рубежа XIX–XX вв. как центр науки и общественной жизни // Российская империя между реформами и революциями, 1906–1916. Коллект. моногр. / Под ред. А.И. Миллера и К.А. Соловьева. М., 2021. С. 669-689.
- Сибирская жизнь** – Сибирская жизнь. Томск.
- Черказьянова, 2005** – Черказьянова И.В. Попечитель учебного округа Л.И. Лаврентьев и Томский университет: сотрудничество и конфликты // *Вестник Том. гос. ун-та. Серия «История. Краеведение. Этнология. Археология»*. 2005. № 289 (декабрь). С. 177-187.
- Щетинина, 1976** – Щетинина Г.И. Университеты в России и Устав 1884 года. М., 1976. 231 с.
- Эймонтова, 1985** – Эймонтова Р.Г. Университеты на грани двух эпох. От России крепостной к России капиталистической. М., 1985. 352 с.
- Kassow, 1989** – Kassow S. Students, Professors, and the State in Tsarist Russia. Berkley; Los Angeles: London, 1989. 438 p.
- Krementsov, 2018** – Kremontsov N. With and without Galton: Vasilii Florinskii and the Fate of Eugenics in Russia. Cambridge, 2018. 667 p.
- Maurer, 1998** – Maurer T. Hochschullehrer im Zarenreich. Ein Beitrag zur russischen Sozial- und Bildungsgeschichte. Köln; Weimar; Wien, 1998. 959 s.

Wartenweiler, 1999 – *Wartenweiler D. Civil Society and Academic Debate in Russia, 1905–1914*. Oxford, 1999. 252 p.

References

- Baberovski, 2008** – *Baberovski, I.* (2008). Doverie cherez prisutstvie. Domodernye praktiki vlasti v pozdnei Rossiiskoi imperii [Trust through Presence. Premodern Practices of Authority in Late Imperial Russia]. *Ab Imperio*. 3: 71-95. [in Russian]
- Cherkaz'yanova, 2005** – *Cherkaz'yanova, I.V.* (2005). Popechitel' uchebnogo okruga L.I. Lavrent'ev i Tomskii universitet: sotrudnichestvo i konflikty [Trustee of the Educational District L.I. Lavrentiev and Tomsk University: cooperation and conflicts]. *Vestnik Tom. gos. un-ta. Seriya «Istoriya. Kraevedenie. Etnologiya. Arkheologiya»*. 289 (dekabr'): 177-187. [in Russian]
- Eimontova, 1985** – *Eimontova, R.G.* (1985). Universitety na grani dvukh epokh. Ot Rossii krepostnoi k Rossii kapitalisticheskoi [Universities are on the verge of two eras. From Serf Russia to Capitalist Russia]. M., 352 p. [in Russian]
- GATO** – Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti [State Archive of the Tomsk Oblast].
- Gribovskii, 2018** – *Gribovskii, M.V.* (2018). Professorsko-prepodavatel'skii korpus imperatorskikh universitetov kak sotsial'no-professional'naya gruppa rossiiskogo obshchestva. 1884 g. – fevral' 1917 g. [The Teaching Staff of the Imperial Universities as a Socio-professional Group of Russian Society. 1884 – February 1917]: dis. ... d-ra ist. nauk. Tomsk, 804 p. [in Russian]
- Ivanov, 1991** – *Ivanov, A.E.* (1991). Vysshaya shkola Rossii v kontse XIX – nachale XX veka [Higher School of Russia in the late XIX – early XX centuries]. M., 392 p. [in Russian]
- Ivanov, Kulakova, 2013** – *Ivanov, A.E., Kulakova, I.P.* (2013). Ipostasi russkogo professora: sotsial'nye vyskazyvaniya rubezha XIX–XX vv. [Hypostases of a Russian Professor: Social Statements of the turn of the XIX–XX centuries.]. *Soslovie russkikh professorov. Sozdateli statusov i smyslov: kollekt. monogr. Pod red. E.A. Vishlenkovo, I.M. Savel'evoi. M., pp. 114-134.* [in Russian]
- Kassow, 1989** – *Kassow, S.* (1989). *Students, Professors, and the State in Tsarist Russia*. Berkley; Los Angeles: London, 438 p.
- Kessou, 1992** – *Kessou, S.* (1992). Universitetskii ustav 1863 g.: novaya tochka zreniya [The University Statute of 1863: a reconsideration]. *Velikie reformy v Rossii. 1856–1874: Sb. Pod red. L.G. Zakharovoi, B. Ekloufa, Dzh. Bushnella. M., pp. 317-334.* [in Russian]
- Korsh, 1910** – *Korsh, E.V.* (1910). Vosem' let v Sibiri. XVI–XXXIII. (Okonchanie) [Eight years in Siberia. XVI–XXXIII]. *Istoricheskii vestnik. Istoriko-literaturnyi zhurnal. iyul'*. Pp. 27-57. [in Russian]
- Kremontsov, 2018** – *Kremontsov, N.* (2018). With and without Galton: Vasilii Florinskii and the Fate of Eugenics in Russia. Cambridge, 667 p.
- Kulikov, 2003** – *Kulikov, S.V.* (2003). Tsarskaya byurokratiya i nauchnoe soobshchestvo v nachale XX veka: zakonomernosti i tipy otnoshenii [Tsarist Bureaucracy and the Scientific Community at the beginning of the XX century: patterns and types of relations]. *Vlast' i nauka, uchenye i vlast': 1880-e – nachalo 1920-kh godov: Materialy Mezhdunarodnogo nauchnogo kollokviuma*. SPb., pp. 54-72. [in Russian]
- Malinovskii, 2014** – *Malinovskii, I.A.* (2014). Marusya i deti [Marusya and Children]. Imperatorskii Tomskii universitet v vospominaniyakh sovremennikov. Sost. S.F. Fominykh (otv. redaktor), S.A. Nekrylov, M.V. Gribovskii i dr. Tomsk, pp. 286-340. [in Russian]
- Maurer, 1998** – *Maurer, T.* (1998). Hochschullehrer im Zarenreich [University teacher in the Tsarist Empire]. Ein Beitrag zur russischen Sozial- und Bildungsgeschichte. Köln; Weimar; Wien, 959 p. [in German]
- Maurer, 2015** – *Maurer, T.* (2015). «Barometry» ili «mayaki» obshchestva? Izbrannye stat'i po sotsial'noi istorii russkikh i nemetskikh universitetov ["Barometers" or "Lighthouses" of Society? Selected Articles on the Social History of Russian and German Universities]. M., 527 p. [in Russian]
- Mironov, 2018** – *Mironov, B.N.* (2018). Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu: v 3 t. [The Russian Empire: from Tradition to Modernity]. T. 2. SPb., 912 p. [in Russian]
- Nekrylov, 2010** – *Nekrylov, S.A.* (2010). Tomskii universitet – pervyi nauchnyi tsentr v aziatskoi chasti Rossii (seredina 1870-kh gg. – 1919 g.) [Tomsk University is the first Scientific Center in the Asian part of Russia (mid-1870s – 1919)]. T. 1. Tomsk, 514 p. [in Russian]
- NMRT. OKhDI** – Natsional'nyi muzei respubliki Tatarstan [The National Museum of the Republic of Tatarstan]. Otdel khraneniya dokumental'nykh istochnikov.
- Novikov, Perfilova, 2013** – *Novikov, M.V., Perfilova, T.B.* (2013). Universitetskii ustav 1863 g.: predely akademicheskogo samoupravleniya (Chast' I) [General University Charter of 1863: Limits of academic self-government (Part I)]. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik (Gumanitarnye nauki)*. 1(4): 18-31. [in Russian]
- Novikov, Perfilova, 2015** – *Novikov, M.V., Perfilova, T.B.* (2015). Universitetskii ustav 1863 g.: predely akademicheskogo samoupravleniya (Chast' II) [General University Charter of 1863: Limits of academic self-government (Part II)]. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik (Kul'turologiya)*. 1(1): 89-101. [in Russian]
- Pravila dlya studentov** – Pravila dlya studentov universiteta [The Rules for the University Students]. Tomsk, b.g. 54 p. [in Russian]
- Professora..., 1996** – Professora Tomskogo universiteta. Biograficheskii slovar'. Vyp. I. 1888–1917 [Professors of the Tomsk University. Biographical dictionary. Iss. I. 1888-1917]. Otv. red. S.F. Fominykh.

Tomsk, 1996. 288 p. [in Russian]

RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [The Russian State Historical Archive].

Rostovtsev, 2017 – Rostovtsev, E.A. (2017). Stolichnyi universitet Rossiiskoi imperii: uchenoe soslovie, obshchestvo i vlast' (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [The Metropolitan University of the Russian Empire: Academic Class, Society and Government (the second half of the XIX – early XX centuries)]. M., 903 p. [in Russian]

Rostovtsev, 2021 – Rostovtsev, E.A. (2021). Sankt-Peterburgskii universitet rubezha XIX–XX vv. kak tsentr nauki i obshchestvennoi zhizni [Academic corporation of St. Petersburg University at the beginning of the XX century: Relationship to the State and the Civil Society]. Rossiiskaya imperiya mezhdru reformami i revolyutsiyami, 1906–1916. Kollekt. monogr. Pod red. A.I. Millera i K.A. Solov'eva. M., pp. 669-689. [in Russian]

Shchetinina, 1976 – Shchetinina, G.I. (1976). Universitety v Rossii i Ustav 1884 goda [Universities in Russia and General University Charter of 1884]. M., 231 p. [in Russian]

Sibirskaya zhizn' – Sibirskaya zhizn' [Siberian Life]. Tomsk. [in Russian]

Wartenweiler, 1999 – Wartenweiler, D. (1999). Civil Society and Academic Debate in Russia, 1905–1914. Oxford, 252 p.

Zapiska..., 1901 – Proekt Zapiski o sostoyanii russkikh universitetov, sostavlennoi komissiei, izbrannoi Sovetom Imperatorskogo Tomskogo universiteta v zasedanii 23 maya 1901 g. [The Plan of the Report on State of Russian Universities, compiled by the Commission elected by the Council of the Imperial Tomsk University, May 23, 1901.]. Mneniya chlenov Soveta Imperatorskogo Tomskogo universiteta otnositel'no predlozhenykh g. ministrom narodnogo prosveshcheniya izmenenii v deistvuyushchii Universitetskii ustav 1884 g. Tomsk, 1901. pp. 1-91. [in Russian]

Zinov'ev, Kharus', 2013 – Zinov'ev, V.P., Kharus', O.A. (2013). Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' v Tomskoi gubernii v 1880 – fevrale 1917 g. Khronika [Socio-political Life in Tomsk Governorate, 1880 – February 1917. The Chronicle]. Tomsk, 398 p. [in Russian]

Университетская профессура и чиновничество позднеимперской России: к проблеме отношений (на материалах по истории Императорского Томского университета)

Алексей Олегович Степнов ^{a, *}, Сергей Александрович Некрылов ^a

^aТомский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье на материалах делопроизводственной документации, источников личного происхождения и периодической печати исследуются отношения профессуры Императорского Томского университета и чиновничества Российской империи конца XIX – начала XX веков. В историографии эти отношения интерпретируются неоднозначно. С одной стороны, профессура императорских университетов характеризуется как бессловная профессионально-корпоративная группа со своей субкультурой, а с другой – как корпорация, во многом схожая с бюрократической элитой. Подчеркивается, что модернизированная бюрократия позднеимперской России действительно обладала качествами, сближавшими ее с профессурой. Это, прежде всего, высокий уровень образования и осознание своей культурной миссии по преобразованию России с опорой на опыт развития Европы. Вместе с тем покровительственная риторика и персонифицированный контроль, которые попечители и чиновники Министерства народного образования использовали в отношениях с профессурой, указывают на сохранение элементов патримониальной традиции. В условиях действия Университетского устава 1884 г. эти элементы стали средством ограничения академической автономии. Доказывается, что со своей стороны профессора преимущественно предпочитали неконфликтные способы борьбы с этими ограничениями. Уклонение от контроля и ограждение пространства прямого самовыражения, в частности в лекционных аудиториях, от фиксации источниками, имеющими «доказательную силу», привели, однако, к тому, что попечитель и чиновники МНП утрачивали персональное доверие к ученому сословию. В этих условиях выстраиваемый в нарративах чиновников коллективный образ профессуры оказался нагружен зачастую неверифицируемыми конспирологическими чертами силы, угрожающей «законному порядку вещей» в Российской империи.

Ключевые слова: университеты, Российская империя, профессура, бюрократия, патримониальные традиции, академическая автономия.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: asaom@yandex.ru (А.О. Степнов)